

А. И.
ЛЕВИТОВ

Сочинения

Александр Иванович Левитов

Беспечальный народ

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=657475
Сочинения: Худож. лит.; М.: 1977*

Аннотация

«В одной из своих крайних улиц Петербург воздвиг гигантские чугунные ворота с грозными воинами в полном боевом вооружении.

Обомшели и заржавели теперь старые ворота, грозные очи воинов, стороживших их, закрыты навеки, и хотя, как подобает героям, герои ворот сохранили еще свои угрожающие позы, показывая всем четырем сторонам божьего мира острые бердыши и долгомерные копья, но, счастливо минуя все эти боевые ужасы, бешеным, неудержимым и ни на минуту не прерывающимся потоком...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Иванович Левитов

Беспечальный народ

(Шоссейные типы, картины и сцены) ¹

I

В одной из своих крайних улиц Петербург воздвиг гигантские чугунные ворота² с грозными воинами в полном боевом вооружении.

Обомшели и заржавели теперь старые ворота, грозные очи воинов, стороживших их, закрыты навеки, и хотя, как подобает героям, герои ворот сохранили еще свои угрожающие позы, показывая всем четырем сторонам божьего мира острые бердыши и долгомерные копья, но, счастливо минуя все эти боевые ужасы, бешеным, неудержимым и ни на минуту не прерывающимся потоком и в Петербург и из Петербурга мчится деятельная жизнь, заливая своими тревожными полчищами одичалые пространства, с каждым днем все далее и далее оттесняя куда-то вдаль царившую в них тишину и поселяя вместо нее громкий гул человеческой деятельности...

Несколько лет тому назад, случайно наткнувшись на это место, я ужасно полюбил его, потому что тут я впервые увидел эту грандиозную битву, которую ведут люди с пустынями.

С каждым годом под мощной и терпеливой рукой человека сглаживаются волнистые хребты пустыни, от жаркого дыхания рабочих масс высыхают болота, — и эта зеленая куга и высокие камыши, которые столько лет в таком красивом сне раскачивались над водами, скрывая их никому не ведомые тайны, беспомощно упали теперь пожелтелые — и гниют...

Свои дремучие, вековые леса пустыня тоже с каждым днем все больше и больше отводит куда-то назад, — должно быть, ищет позицию, где бы она с успехом могла дать врагу-человеку генеральную битву.

А между тем с каждым уступленным пустынею шагом человек делается все дерзче и дерзче. Вот неподалеку от шоссе вместо тех непроходимых топей, которые несколько лет тому назад так ревниво были укрываемы сумрачными дубравами, зеленеют уже веселые, на далекое пространство раскинувшиеся равнины. С них, вместо их недавнего вечного молчания, на шоссе слышатся громкие крики быстро передвигающихся войск, грохот барабанов и треск ружейной пальбы, а по самому шоссе, проложенному в прибрежных трясины, неугомонно тянутся суетливые толпы различного народа, слитым гвалтом своих разговоров оглушая и прогоняя из пустыни всякую жизнь, исключительно населявшую ее прежде...

Шатаясь много лет по изображаемой местности, мне часто приходилось отдыхать в какой-нибудь лесной глуши, где почти на виду у меня, в прикрытом высокими порослями болотце, крикали и плескались дикие утки. Дым моей папироски и шорох несколько не пугал их. Пушечные выстрелы, раздававшиеся с соседнего учебного поля, только на секунду тревожили их, заставляя приподнять пестрые головки и беспокойно крикнуть, что не случилось ли, дескать, поблизости чего-нибудь такого, что обыкновенно заставляет птицу расправлять свои всегда готовые к полету крылья.

«Ничего, ничего! — раздавался успокаивающий ответ вожаков утиной стаи. — Это так... не по нас. Это очень далеко отсюда», — и после этого лесная дебрь опять предавалась своему царственному молчанию, которое ничуть не нарушалось ни бульканьем и всплесками птиц,

² ...гигантские чугунные ворота — Нарвские ворота в Петербурге, построенные по проекту Кваренги в 1814 году.

гонявшихся за болотными насекомыми, ни гуденьем шмелей и мух, обильно роившихся над тинистой почвой.

Дичь и глушь – полные. Всю зиму помнишь такое тихое место. Поплетешься туда на следующее лето – взглянуть, живы ли, мол, в том леску мои грустные думы, которые я поселил в нем в прошлом году, – смотришь, а уж на месте болотца с беззаботными утками стоит новенький форменный домик с резным крылечком, на котором меланхолически восседает какой-нибудь отставной ветеран, из-под густых и седых усов которого узорчатыми струйками вылетает столь далеко пахнувший дым махорки. Дремучий лес посторонился от домика во все четыре стороны, и на образовавшейся от этого поляне пасется на длинной веревке корова, греется большая собака, – в расчищенном и сделавшемся похожим на пруд болоте ворочаются домашние утки и гуси. Тут же стоит заботливой рукою причесанная копенка сена с распростертым около нее здоровым мужиком в ситцевой рубахе, в суконной жилетке, по которой развешана бронзовая часовая цепочка, и в больших сапогах, роскошно смазанных дегтем. Затем над домиком витали тишина и дрема, изредка прогоняемые налетевшим из лесу ветерком...

Смотря на такую картину, в каждом штрихе которой виднелись одиночество и беспомощность, никак нельзя было отгадать причины, смогшей привлечь сюда человека на постоянное житье.

– Помогай бог, служба! – начинается разговор, имеющий целью выпытать от солдата, как он сюда попал, что делает, чем живет и проч. и проч.

– А-а? – радостно отзывается солдат живому голосу. – Милости просим, – и при этом приглашении он предупредительно спешит очистить редкому гостю место на только что отструганной лавочке.

– Что это вы, старина, словно медведь какой, в такую глушь забрались? Или по деревьям-то мест нет?

Солдат весело шевелит усами, приветствуя слово, сравнившее его с медведем, – и пошла история.

Начинается в это время на тихом крылечке нескончаемый разговор про тридцатилетнюю службу. Оказывается из этого рассказа, что у солдата в настоящую минуту три медали и Георгиевский крест, двенадцать ран и четыре контузии, в ушах большой шум, а ноги к ненастью мозжат до такой степени, что, по собственному признанию рассказчика, перед ненастным временем визжит он от этих ног, как связанный просук.

– Учен я такожде, сударь ты мой, сапожному мастерству, – продолжается словоохотливая речь одинокого солдата, – и правду ежели говорить, так немец один – в Малой Подьяческой сапожный магазин у него – давал мне в месяц семь серебра на евойных харчах, но только я не пошел, потому всякой сволочи подражать не намерен... Опять же, признаться, и запивойству этому самому, грешным делом, очень даже довольно подвержен; а при хозяине жить с эвтаким мастерством не годится. Народ только в искушение введешь, – осуждать будут. Мы эти дела, полковую службу прошедши, вплоть понимаем.

– Как же вы сюда-то попали, старина? Домик-то этот ваш, что ли?

– Кой там бес мой? Откуда я его возьму? Из ранца, что ли, прикажешь вытащить. Так ведь я не фокусник, чтобы, то есть, изо рта разноцветные ленты тянуть. А попал я сюда истинно по тому случаю, что от жены бегая. Вот уж седьмой год пошел, как я от ней себя сокрываю. Люта, – не приведи бог! Теперь вот того и гляжу – сюда привалит. Ну-ка, скажет, старый черт, распоясывайся – отпускай на прокорм супруге третью часть по закону. Поведенья-то она у меня не так чтобы эдакого, то есть исправного, – больше все по приказным шатается; ну, они ей эти самые прошенья на меня и прописывают. И так, сказываю, бумагами своими они меня загоняли, – страсть! Ровно волк я от них утекаю. Однава приютился так-то в Курской губернии у сельского попа на пчельнике (мы к этой пчелиной части сызмаль-

ства еще дедушкой-покойником поприучены) и думаю: ну-ка, мол, найди меня здесь! Сам, признаться, радуюсь, потому как можно найти кого-нибудь на пчельнике у попа? Но только радости моей конец скоро пришел. Сижу я так-то однажды – с пчелками разговариваю, – вдруг из волости десятский на пчельник ко мне: «Ты, говорит, солдат, почему так закону не исполняешь? Тебя, говорит, супруга в третьей части обжаловала. Бумага из Питера насчет тебя у нас в правление получена. Иди!» Ну, значит, и разорила! Вот и теперь, верно знаю, спугнет она меня и с этого гнезда.

– Как же вы на это гнездо попали?

– А так! купцу я одному очень полюбился. Вот он мне и говорит: «Чем тебе, говорит, по Питеру слонов продавать да с женой судиться, – поди лучше ко мне в сторожа. Я, объясняет, дачу купил не вдали от шоссе и хочу там ватный завод строить». Ну, я и пошел и засел здесь, – раздолье! По крайности, хоть зыку-то этого бабьего не слышать.

– Ну, а как же насчет провизии? Ведь тоже пить-есть надо.

– Уж это как есть! Закупаю больше в городе. На неделю, на две искуплю хлебушка – и сижу. А то недалечко деревенька отсюда, – за лесом укрывается, – так там лавка есть, харчевня, – туда тоже хожу.

– И скоро будут строить завод?

– Да вон подрядчик уж здесь с неделю торчит, – указал солдат на мужика, спавшего у сенной копны. – Все места, по хозяйскому приказу, обглядывает: как, что и где. Но только, надо полагать, малость увидит.

– Что так?

– Сокрушается очень.

– Как это сокрушается?

– Да так! Пьет, ровно леший какой! Видишь вон, как распластался, совсем в бесчувствии. Уж я ныне на него бочки с две воды вылил, – никак не прочухается.

Удивительнее всех приключений, рассказанных солдатом, было то, что обо всех тычках, которыми так торогато награждала его судьба, он говорил веселым, бойким басом, пересяпывая свои излияния вострыми пословицами, загвоздистыми прибаутками и самой безукоризненной иронией, отшлифованными насмешками на свой собственный счет. Очевидно было всякому, что в какую бы трущобу ни запрятали этого старого медведя, он нигде не соскучится с своими тридцатилетними воспоминаниями и рассказами, особенно если у него будет какая-нибудь возможность во время своих дум и разговоров посасывать дымящийся чубучок носогрейки.

Не менее бесшабашных и веселых свойств оказался и подрядчик, спавший в сене. Разбуженный громким голосом солдата, он приподнял немного голову и закричал:

– Эй ты, солдатская музыка! Замузычил опять! Эко горло господь старому дураку послал. Целую неделю уснуть как следует не дает.

Солдат ответил на это раскатистым смехом.

– Проснулся? Трубочки курнуть не хочешь ли? – потчевал он подрядчика.

– Провались ты и с трубкой с своей! Осталась, что ли, водка-то? Хоть бы каплю какую... Так это голова балует, – беда! Все кружится у меня в глазах. Ах, лес этот проклятый, как шустро бежит! Корова эта самая за им... Куды? куды? погоди хвост-от задирать... Ну, брат Пар-фен, пошла писать! И Арабка дралки от меня... Ха, ха, ха!

Неси скорей водку, старый хрен, не то, надо думать, и сам я куда-нибудь убегу. Ха, ха, ха! Тащи скорее.

С еще более громким хохотом солдат торопился нацедить водки из какого-то глиняного бочонка в большущий стакан, крикливо советуя в то же время подрядчику не бегать с лесом, коровой и Арабкой, ибо крещеному человеку, выходило по солдатским думам, не по дороге со всякой животиной шататься.

– Подожди вот лучше стаканчика этого, – грохотал солдат. – С ним куда хочешь иди. Ха, ха, ха! Он тебя во всякое место приведет самым благополучным манером. Верно! Приведет и выведет... Ха, ха, ха!

После стакана, выпитого подрядчиком, он, как бы поднятый какою-нибудь невидимою машиной, вдруг вскочил на ноги, протер глаза рукавом своей рубахи, почерпнул из лужи на лицо себе две-три горсти воды и, взбежавши на крыльцо, подал мне руку, с какою-то ласковою торопливостью пожал мою и заговорил:

– Откуда, барин, господь бог принес? А мы тут с стариком все пьянствуем. Ты не гляди, что он старик, – к нему и теперь бабы из Константиновки шлятся.

– Ха, ха, ха! – басовито радовался солдат. – О, черт! Ведь выдумает же, дьявол эдакой!

– Выдумает! Чего тут выдумывать-то? Он, барин, трех жен засудил. Теперича утруждает вышнее начальство в том собственно разе, чтобы приказано ему было на четвертой жениться. Уж и зубы себе у доктора-немца на Невском вставил... А пропади ты пропадом эта голова! – вдруг оборвал подрядчик свой разговор. – Все еще кружится. Ну-ка, дедушка Парфен, поставь мне ее на настоящее место, чтоб, значит, она не вертелась: наливай-кось три посудыны. Все, может, оно складней пойдут делишки-то. Чайку бы теперь хорошо тоже обладать, со сливочками. Я, пожалуй, корову-то сам подою, покамест молодая хозяйка-то к тебе прикатит.

– Ступай, ступай, дой корову, ежели умеешь, – радостно отозвался солдат, – а я тем временем к Верке за самоваром сбегаю.

– Тащи уж и ее для компании, – посоветовал подрядчик. – Все же с бабой веселей будет. Да прихвати там четвертную, что ли! Ведь не псалмы же мне с тобой, старым чертом, распевать здесь. Я без вина, чувствую, совсем с тобой поколею.

– Да будет тебе, черт, – отрезонивал солдат. – Все четвертную да четвертную... Когда ты, идол, за дело-то примешься?

– А ну тебя во все четыре дороги... Бежи-ка скорей, чем раздабырывать-то...

Любо было смотреть на этих двух людей, когда один из них, голова которого только что сейчас кружилась, как крылья ветряной мельницы, с ловкостью патентованной коровницы подсел с подойником под корову, а другой, несмотря на свои семьдесят лет, стремглав бросился в неведомую даль за каким-то самоваром к какой-то Верке.

Не успел я как следует всмотреться в столь любимую мною пастораль, являвшуюся мне на этот раз в виде задумчиво и тихо стоявшей коровы в рамке из настоящего соснового леса, физиономию которой, доселе веселую и беззаботную, надвигавшиеся сумерки с каждой секундой гримировали все серьезнее и серьезнее, – не успел я вслушаться в столь любимый мною звук, обыкновенно раздающийся летними вечерами на сельских дворах, когда хозяйки выдаивают в звонкие горшки теплое молоко, как вдали в лесу раздалось шуршание веток, отталкиваемых поспешным человеческим бегом, стук чего-то обо что-то металлическое, и затем уже мой обнеженный безмятежною картиною слух резанул своим смешливым басыщем появившийся перед крыльцом солдат.

– Вот он! – орал старичина, погромыхая ярко светлевшимся в вечернем сумраке самоваром. – Насилу отпустила его со мною проклятая эта Верка. Говорит: как бы ты его у меня, солдабат проклятый, не пропил. Ха, ха, ха! Я говорю ей: боисся, шельма, солдата, – да с тем взял, стащил самоварину с печки – и ушел.

– Молодец! – похвалил старика подрядчик из-под коровы. – Што же, она сама-то придет?

– Да уж это как пить дать! – уверял солдат, накаливая самовар еловыми шишками. – Такая она баба, штобы выпивку у соседев пропустить могла!.. Она, брат, свои дела в тонкости понимает... На то она и вдова... Ха, ха, ха!..

Вскорости объявилась и неизвестная до сих пор Верка. Она принадлежала к разряду тех женщин, которые так обильно рассыпаны по кабакам больших торговых сел и по проезжим дорогам, где с своими ручными тележонками, нагруженными хлебом, калачами, рубцами и печенками, терпеливо заседают с раннего утра до позднего вечера, не стесняясь ни палящим зноем, ни проливными дождями.

Во всю жизнь свою вращаясь в среде ямщиков, извозчиков и разного рода странствующих торгашей, такие женщины очень скоро приобретают не только развязные манеры этого люда, но даже и совсем делаются мужчинами, с басовитою, ничем не стесняющеюся речью и с кулаками, готовыми во всякое время против любого из дорожных удалцов отстаивать свои гражданственные права.

Одета была присоединившаяся к нашему обществу женщина в какое-то синее, ватное, с круглым воротником, пальто, крепко подпоясанное пестрым мужицким кушаком. Из-под пальто, немного пониже колен, спускалась ситцевая полинялая юбка, а на ногах красовались здоровенные мужичьи сапоги. Выходя к нам из лесу развалистым шагом извозчика, идущего за неторопливым обозом, она вальяжно поплеывала на все стороны шелухой подсолнечных семян, за которыми то и дело рука ее опускалась в карман ватного пальто. При этих движениях можно было очень хорошо рассмотреть, что руки ее были большие, мускулистые и красные, точь-в-точь как у молодых приказчиков в свечных и масляных лавках, и что на руках этих блестели те характерные, оловянные и медные кольца, которые в таком изобилии получают и раздаются означенными молодцами «в знак любви».

— Это што же ты этто, солдатище поганый, какую такую новость еще придумал? — бойким голосом заговорила Вера, угрожающе покручивая головою, завернутою в толстый ковровый платок. — Ты уж на старости лет с ума не сошел ли? Самовары придумал чужие таскать... А?

Солдат заливался своим обыкновенным, радостным хохотом, ничуть не смущаясь ни обличием Веры, ни злым, наподобие змеиного, шипением самовара, который, зачуяв заступницу-хозяйку, ерепенился все больше и больше и, как бы подлаживаясь к ее недовольному солдатским поведением тону, с храбро подпертыми в бока ручками, тоже покрикивал и погакивал на солдата:

«А солдат, попался! Ты самовары стал воровать? — с ярко светившейся в вечерней мгле улыбкой звенел самовар. — Не-ет! Подождешь... Не-ет! Мы с хозяйкой хоть и бабы, а обидеть нас вряд ли кому доведется... Так-то!»

— Уж ты, Вера Павловна, — вмешался подрядчик, — не очень пужай у меня солдата-то. Он и так у меня нонишнего числа дюже испуган. Такие напасти па нас с ним, — беда!

— Што так? — спрашивала Вера.

— Ну-ну! — сердито забасил сам солдат, мгновенно переставши грохотать. — Выдумывай там! — Голос старика становился, если можно так выразиться, все медвежистее и медвежистее. — Выдумывай, выдумывай! — повторял он, свирепо громохая чайными чашками. — Небойсь у тебя от выдумок-то голова не заболит.

На такие, по-видимому, вовсе не смешные речи подрядчик и Вера Павловна отвечали взрывами самого веселого смеха.

— А-а! — хохотал подрядчик. — Сердиться стал, старый шут. погоди! Сичас барину расскажу, какие такие напасти на тебя навалились. Барин! Слушайте-кось...

— Ну, ну, малый, гляди... — бурчал солдат.

— Да что мне глядеть? Глядеть-то мне на тебя вовсе, так надо полагать, не стоит, потому вы, старичок божий, узорами-то не так чтобы уж очень цветными исписаны. Верушка! Слушай-кось: старички-то наши, ха, ха, ха, Катковы!..

– Эх т-ты, Амеля! Што в ум взбредет, то и меля, – сердито и укоризненно отгрызался солдат, но подрядчик не слушал его. Продолжая хохотать, он толкал под бока и меня и Верушку и кричал:

– Не-ет, барин! Вон они – старики-то – ныне какие! С двенадцатого года еще вот этот самый дед Парфен крупной в казну задолжал – и не отдает... А? Ха, ха, ха! Правительствующий синат от его долгу теперича в большом огорченье... Ха, ха, ха!

– Ха, ха, ха! – вторила подрядчику Вера.

«Ха, ха, ха! – трезвонил им вслед самовар. – Што, солдат, попался? Они тебя проберут теперь. Небойсь перестанешь ты теперь воровать нашего брата!»

– Выдумывай, выдумывай! – уже совсем грозно рычал солдат, ворочаясь в какой-то худобе под лавкой. Доселе добродушное лицо его сатанело все больше и больше, – он исподлобья время от времени поглядывал на подрядчика, как бы отыскивая в нем такое местечко, в которое можно было бы за один раз уязвить его насмерть и таким манером отмстить за все насмешки.

Подрядчик между тем разбалтывался все больше и больше. Шепнувши мне, что старик терпеть не может, когда говорят ему про этот якобы долг правительствующему синату, оба они с Верой принялись тормозить его, всячески усовещивая не убытчить казны.

– Ни храшо, дедушка, ни храшо долгов не платить. Это тебе довольно стыдно. Нас, молодых, по-настоящему, тебе бы учить следовало.

– Да кому же и учить, как не старичкам! – вторила Вера Павловна, тоже, в свою очередь, потряхивая солдата, взявши его за грудь. – Теперича, ежели старики от нас, от молодых, откажутся... Ха, ха, ха! Что мы тогда без них поделаем?..

Солдат молчаливо старался освободиться из рук своих мучителей, неуклюже отвертываясь от них и бормоча по временам: «Ну да будет уж! Не махонькие! Эх видь придумают же!» Но веселая пара не унималась. К убедительным просьбам об уплате казенных круп присоединены были еще убедительнейшие усовещивания насчет того собственно, что нужно же ему, солдату, при близком конце своей жизни вспомнить господ бога и, вспомнив, сейчас же отправляться к жене и успокоить ее. Все это было выражено такой пронзительно-насмешливой речью и сопровождалось такими плутовскими подмигиваниями, что солдат не вытерпел наконец. Быстрым порывом оттолкнул он от себя подрядчика и Веру, азартно располыхнул на себе рубаху и заорал:

– Да вы што же это всамделе пристали ко мне, дьяволы? – С этим окриком он схватил лежавший под скамейкой топор и бросился на насмешников. Те прыснули от него в разные стороны – и по полю началась крикливая гоньба, все больше и раздражавшая солдата и смешившая его баловливых противников.

– Дедушка! – издали умолял запыхавшийся подрядчик. – Дай пардону, пожалуйста, – устал. Пойдем помиримся, водочки выпьем.

– Я тебе дам пардону, – шипел солдат в ответ подрядчику, бойким налетом обращая его в новое и постыдное бегство. – Я тебе говорил: не дразнись!

– Дедушка миленький! – кричала, в свою очередь, Вера Павловна, отвлекая солдата, совсем было уже наскочившего на подрядчика. – Хоть со мной-то, с бабой, замиришь на минуту... Сичас умереть, с этого самого дня никогда тебя беспокоить не буду. И самовар бери у меня сколько угодно.

– Погоди, шкура барабанная! Дай срок, еще я с тобой замирюсь, – грозил солдат, стараясь в то же время щелкнуть по башке подрядчика, который смеялся над ним, укрывшись за толстым деревом.

– Не-ет, не укроешься за деревом-то, – совсем как рассерженное дитя лютовал старичина. – Да-астану! Я тебе голову-то расколупаю: не выдумывай!..

– Ха, ха, ха! – смеялся подрядчик, выглядывая на солдата то с одного бока дерева, то с другого. – Тронь только, солдатище, сейчас к твоей жене в Питер отправлюсь... Мне все равно, где ни ночевать... Ха, ха, ха! У тебя ли, у ней ли... Еще у ней-то мне, может, в двадцать пять раз распрятней! Ха, ха, ха!

Зарычала в это время стариковская грудь до того болезненно и вместе с тем сердито, что шутка, начатая так весело, могла бы окончиться очень плачевно, если бы Вера Павловна, подкравшись сзади к солдату, не засела к нему на плечи верхом. Живо схватила она могуче взмахнувшую топором руку, стиснула она ее так, что топор брякнулся в траву, и потом, не переставая хохотать, она принялась целовать солдата, клятвенно уверяя его, что она ни в кого не была еще так влюблена, как в него, старого дьявола, и что ежели он хочет, так она будет кажинный вечер ходить к нему чай пить.

– Чем только ты прельстил меня, старый шут? – спрашивала и с недоумением и со смехом Вера Павловна у солдата, сидя у него на плечах, между тем как подрядчик, ухвативши его за обе руки, тихо и осторожно подводил к крыльцу, словно усмиренную лошадь.

– Нн-ну, дед! Нечего тут упрямитесь-то! Лучше нам теперь с тобой смириться надоть. Эко, в самом деле, при старости лет, шутки не распознал, за топор схватился. Эко, правду-то сказать, до чево тебя, старый демон, бесы-то обуяли в одиноком месте.

Вследствие сильного конфуза, охватившего солдатское лицо при напоминании о схваченном и взмахнутом на веселую, дружескую шутку топоре, по глубоким морщинам этого лица разлились, как полая вода по канавам, печальные тени стыда за свою горячность, желание быть прощенным в такой вине, за которую, по-настоящему, следовало бы закатить обвинителю первейшего сорта плюху... Багровые и синие оттенки, легшие было по впадинам солдатского лба, откликаясь ласкам подрядчика и Веры Павловны, постепенно исчезали. Можно было, несмотря на темный вечер, видеть, что старик ничуть не прочь от компании, лишь бы только представилась мало-мальская возможность поладить с дурацким грохотанием этой компании над ним, стариком солдатом, и над его питерской молодой женой.

– Ну, ну, – бурлил солдат перешедшим в мягкий тон голосом. – Не буду, не буду, пристыдили... Ну вас совсем! Эки, черти, надсмешливые какие!

Говоря это, он потихоньку старался снять с своего загорбка оседлавшую его Веру Павловну, – тихо так старался совершить это, чтобы, избави боже, не полетела женщина с высокой спины и не брякнулась об сырую землю, – исподволь поталкивал подрядчика под локти, чтобы он выпустил его из своих крепких рук, и временами стыдливо усовещивал:

– Да будет же!.. Ну, ведь пристанут!.. Всегда вот от вас покою мне нет... Говорил: не приставайте...

– А, спокаился, старый! – смеялся подрядчик. – Иди теперича водку пить. Барину без нас скучно.

– Слава богу! – откликнулась Вера Павловна. – Што? Усмирился? – толковала она солдату и при этом, все равно как бы мужу, ворошила ему волосы, осыпая его в то же время несчетным количеством поцелуев. – Будет, будет сражаться-то! Иди-ка вот подноси луччи! Самовар-то небойсь не даром украл у меня, теперича потчевай, а то завтра же бумагу на тебя взбухаю. Так и так, мол, ваше высокоблагородие, солдат, мол, у меня – у бедной вдовы – самовар стащил...

Скоро после этого общество, рассеявшееся было на господский манер за самоваром, решительно ополоумело, подгоняемое подрядчиком пить поскорее как можно, чтобы, как он говорил, души не тосковали. Послышались какие-то совсем неподходящие разговоры:

– Ты меня как понимаешь, старый черт? – приставала Вера Павловна к солдату. – Ты за што свою супругу не считаешь? Рази ты можешь понимать женское сердце? А?

– Стой, Верка, стой! – перекрикивал ее подрядчик, обращаясь ко мне. – Ты, барин, почему по такому не пьешь? Ты, может, теперича брезгаешь нами, што вот мы с тобою в

компанью взошли. Как ты теперича полагаешь про нашу с тобою за этот случай расправу? Ведь здесь шоссе... Ведь теперича, правду-то ежели говорить, ночь...

– Барин! Барин! – перебила подрядчиков нехороший разговор Вера Павловна. – Нет! Слушай: могут они – эфти самые мужичье – понимать как следует женское сердце? Смолodu, с господами водимшись, они па-ан-ни-мал-ли; ну этим таких понятий не дадено... Крушишься, крушишься с ними... Ах!.. Кажется бы...

Воскликая таким манером, Вера Павловна отчаянно всплескивала руками и горько плакала, – я старался успокоить ее. Подрядчик никак не отставал от меня.

– Почему ты не пьешь? Ты, может, от меня Верку отбить хочешь? Я почем знаю...

– Нне-ет! Он не отобьет! – с глубоким убеждением говорил солдат, энергично постукивая по столу чайником. – Н-не-ет! Это ты вре-ешь! Он не из таковых! Он ко мне пришел, не к тебе. Ты да-а-кажи прежде всего...

– А ежели ты барин, – приставал ко мне подрядчик, – посылай за господским вином. Мы тебя своим мужицким угощали, угости нас своим господским. Я господские вины очень люблю... Теперича: мушкатель, а либо это, как его, беса?..

– Взять-то где, друг? – спрашивал я, проникнувшись глубоким сознанием в справедливости подрядчиковых слов, что я темною ночью и захожим, одиноким человеком сию на шоссе в незнакомом домике с незнакомыми и здорово выпившими людьми. – Ты вот, чем поталкивать-то меня, давно бы уж сказал, где и как этим господским вином раздобыться, я сейчас и угостил бы... Рази мы за этим стоим?

– Целуй! – заорал подрядчик. – Люблю молодца! Думал, што ты через это в обиду взойдешь. Я бы тогда тебя разутюжил... Целуй!

Начались крепкие и общие всего случайного сборища целования.

– Целуйси, барин, со мной! – не то плакала, не то в азарте приказывала мне Вера Павловна. – Я давно не целовалась с такими-то. Они – эти дьяволы-то – разве што понимают...

– Нет, ты вот с солдатом-то похристосывайся, милый человек! Солдат-то, он, может, всякого за тыщу верст разглядит: кто, как, што такое, чем занимается! Ха, ха! ха! У нас трудно! Мы всякое знаем. Подрядчик! Наливай нам с барином, потому против меня ты своими годами моложе, а с барином не можешь чинами тягаться...

Отдавался старик всем этим соображениям уже не как прежде – весело и снисходительно похохатывая в полной готовности оказать милому человеку всякую услугу, добродушно перенести от него всякую штуку; напротив, теперь он вальяжно развалился на скамейке, протянул длинные ноги и по-фельдфебельски насурьезил свое лицо. Против всякого ожидания, подрядчик, недавно еще так деспотически распоряжавшийся солдатом, в это время, повинаясь его слову, сейчас же принялся с поклонами угощать всех нас вином, купленным на его же деньги, и чем дальше шло опьянение, тем солдат делался все требовательнее и повелительнее, а подрядчик уступчивее и исполнительнее.

– Мы теперича его бережем, – шепнул мне подрядчик, несмотря на то, что был сильно пьян. – Старик ведь, сами посудите – много ли ему надо? И кроме того, жисть это у него самая вот такая, што собаке дорожной не захочешь. Ну и спускаем... По эфтому по самому... Жалеючи... Мы его любим...

– Ну, ну, наливай мне! – покрикивал солдат. – Што там шепчешься? Опять, может, надо мной надсмеиваешься?

– Кушай, кушай, дедушка! – смиренно и печально потчевала деда Вера Павловна, стоя перед ним с здоровым стаканищем. – Какие там еще надсмешки придумал? Пошутили малость, ну и будет... Смирись-ка!

– Вот это я люблю, потому зачем нам друг на друга обижаться? А ежели бы я, то есть, этого послушанья от вас не увидал, я бы вас всех расшиб. Вот и барина тоже заодно вместе

с вами расшиб бы. Вы думаете: я не вижу? Вы думаете небойсь: пьян напился старик? Нет, паас-стой, шал-лишь!

Выпивка с каждой минутой крепчала все больше и больше. Подрядчик бегал куда-то за господским вином, которое он скоро и притащил в большом рогожном кульке в таких размерах, про какие с ужасом говорится: батюшки! Да тут несть числа... Вскорости на нашем столе гордо выстроилась батарея бутылок, аляповато разукрашенных золочеными бумажками, рекомендовавшими, что в одних бутылках заключался – херес самый выщей, в других смиренно янтарился – ром имайской фторова сорту; но смиренность этой печатной падыписи было отличным образом выкуплено каким-то, очевидно, презиравшим всякую каллиграфию, карандашом, который бойко прописал на печатной этикетке свое следующее личное мнение о роме второго сорта: но на скус ах как приятен! На большинстве принесенных подрядчиком бутылок тот же карандаш просто-напросто, без церемонии, похеривал французские названия, именовавшие вино, и вместо всего этого властительно подписывал: *Эфто па ашипке. Здесь жульент пыпалам с ввещей мадеро! Здесь донская с розами – сорт не Так штоба но крепастъ всибѣ имѣит балишую пытаму шипка отдаѣтъ самым нежным пыма-ранчикам* и т. д. и т. д.

Подрядчик был в восторге от всех этих прелестей. Угощая, он убедительнейше просил всех выкушивать и не жалеть вина, потому оно – этот самый херес – хоша, признаться, и не дешев, только нам все это пустяки!.. Мы, слава богу, на своем веку много всякого видывали...

Горожанина с самым тонким образованием изображал из себя подрядчик в то время, когда обращался с бутылками. Он то с важным видом знатока рассматривал их на свет, приставая к нам с вопросами: «Эдакого не пить? Такова-то штобы не употреблять? Ды я голову на отсечение!», то вскользь подсмеивался надо мною собственно, утверждая, что «на такое-то винцо и у господ-то у иных, примерно, губы-то сами по себе оттопыриваются, только не всякий господин может изнять эфдакую бутылку своим капиталом...» Поднося солдату стакан с каким-нибудь сокровищем, он сатирически осведомлялся у него: часто ли их в походах угощали таким-то?... Солдат весело грохотал на такие запросы и, смакуя вино, без всякой амбиции говорил:

– Нет, брат, не так чтобы очень часто, ей-богу! Ха, ха, ха! Подлей-ка вон еще энтого-то мне в стакан – желтого-то... Я опробую малость!.. Ух! хорошо жить этим богачам – шельминым детям!.. Н-ну, напитки!

Только одна Вера Павловна, – и то косвенно, в разговоре со мной, – выражала подрядчику некоторую оппозицию, рассказывая, что нет ничего хуже на свете рабочих мужиков, которые по дорогам с своими инструментами шляются.

– Вот хошь бы этот демон! – указывала она мне на подрядчика. – Шляется, шляется так-то по целым дням, в иное время с голоду околеваает, штобы это скопить, то есть, побольше денег и разом форсу на них задать. А кто в его форсе нуждается? Его же всякий человек просмеет... Лучше бы жене в деревню послал. Небойсь ребятишки там с голоду все перемерли.

– Вера Павловна! – как бы глубоко удивляясь несправедливости этой речи, восклицал подрядчик. – А-ахх, Вера Паллна! – укорял он ее, внушительно покачивая головою. – С-стыдна, матушка, вам так рассуждать про гыс-спод кавалеров! С-стыдна! Кавалер, што нонишнего числа ежели пропил, завтришнего числа, будем говорить, примером, он в тыщу раз того больше достанет... Не ожидали мы от вас...

Пошли тут у новопожалованного кавалера с Верой Павловной по различным жизненным пунктам страшные препирательства. Все больше и больше входя в роль городского франта, в совершенстве знающего, что и как делается на белом свете, кавалер, несмотря на то, что Вера Павловна обзывала его бахвалом и дураком, с какою-то исполненной особой учтивости манерой, очевидно, доставлявшей самому ему громадное удовольствие, уверял ее, что этому поверить образованный человек ни под каким видом не в состоянии.

– Нет, в состоянии! – спорила Вера Павловна, впадая тоже, в свою очередь, в тон светской дамы, расположенная к тому и выпивкой, и роскошными принадлежностями, ее обставлявшими.

– То есть, ни боже мой, не поверит! – настаивал подрядчик, уставив красное лицо в лицо Веры Павловны и, как настоящий кавалер, заложив руки за спину...

– Што ты дурак-то? Этому не поверят? Ха, ха, ха! – раскатывалась со смеху Вера Павловна. – Тут и верить-то нечему, на лбу прописано: бахвал ты был, – я тебя, слава богу, не один год знаю, – бахвалом на целый свой век и останешься...

Стоя перед карательной Верой Павловной, подрядчик хотя и конфузился, но видимо было, что за этот конфуз он был в такой степени награждаем сознанием своего учтвого терпения, что мало тяготился этим перевесом, который возымела над ним простая, немного выпившая и, главное, ни бельмеса в кавалерских делах не смыслившая женщина.

Даже возглас солдата, вдруг забурлившего: «Эй ты, подрядчик, подходи ко мне, молотокос т-ты эд-дакой, ба-аххвал, я тебя за вихры оттреплю, потому я старик...» – ничуть не рассердил уверенного в себе подрядчика. Он только отошел от Веры, с сожалением махнул рукой на старика и молча подсел ко мне, красноречивой жестикуляцией стараясь объяснить захожему барину: вот, дескать, в какие несообразные компании затаскивает иногда судьба нашего брата – образованного человека!

Занявшись исключительно общением со мною, он осушил несколько стаканов с самою деликатною смесью и, в пику Вере, принялся сочинять мне великолепную эпопею о том, как у них поживают в родной Костроме, причем сия губерния, про которую во всех географиях согласно написано не более того, что Кострома – похабная сторона, была описана такими блестящими красками, от которых бы нисколько не побледнели красоты Италии.

Смесь, выпитая подрядчиком в ужасающем количестве, разгорячивши его воображение до последней степени, в то же время сковала язык, страстно желавший как можно лучше рассказать сложившуюся в пьяной голове сказку про родину, – и выходило из этого то, что и должно было выйти, то есть несвязное бурление, вызывавшее со стороны Веры Павловны все большие и большие насмешки, а со стороны солдата яростно-повелительные приказания – подойти к нему, старику, и подставить ему свой овин, чтобы таким образом старик получил возможность поучить уму-разуму бахвала и дурака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.